

Александр КАРМАНОВ

ОТРАД ДУШИ

*Да разве об этом расскажешь,
В какие ты годы жила,
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!*

М. Исаковский

Следуя зову души и сердца, светлой памяти, хочу рассказать о тяжёлой судьбе моей бабушки, Аграфены Николаевны Гусевой, в девичестве Калининой, рождённой в 1897 году в большом селе Курганы, расположенном на левом берегу Кургановской протоки реки Томи. На правом берегу Томи, напротив Курган, находилось селение Шахта. На берегу в горе была штольня, где вручную добывался уголь, который по рельсам вывозился на «дневную поверхность» вагонетками, обычно с помощью лошадей, а то и без них.

В юности бабушки Курганы были местом сбора жителей окрестных деревень, где после уборки урожая отмечались светские и религиозные праздники. Готовились к ним основательно. Собирали продукты на продажу и обмен, снаряжали обоз в Томск «по рыбу». Гости – родственники и знакомые – привозили с собой замороженные пельмени, мясо, диски молока, домашнее пиво и медууху в жбанах и лагушках.

Аграфена Калинина

Люди живо общались, гуляли, ходили в гости. Молодёжь знакомилась друг с другом, нередко игрались в свадьбы. Физически развитый народ устраивал состязания, поднимая гири, борясь на поясах, выявляя победителей в скачках на лошадях.

При церкви в селе работала воскресная церковноприходская школа. Груня окончила в ней четыре класса, умела бегло читать по-старославянски, знала счёт. Уже будучи взрослым, я удивлялся, как это она помнит наизусть длинные молитвы – на все случаи жизни. В доме хранились и почитались намоленные старинные иконы, восковые свечи, лестовка (чётки), книги на старославянском языке, в кожаных переплётах с тиснением, происхождение которых уходило в XVII век. Как и большинство жителей села, родители Груни были староверами. О них известно мало: отца звали Николай, маму Елизавета. Груня звала их маменькой и тятей.

По сибирским меркам семья бабушки жила в достатке: большой деревянный дом, заимка (земля в тайге по праву первозанятости и на ней дом), пасека на 250 пчелосемей с омшаником (строением для зимовки пчёл), просторный хлев. Держали скот, птицу, выращивали злаки, овощи, охотничали, шишкарили, собирали грибы, ягоды, целебные травы. Мастерили сани, гнули дуги, дубили корьём шкуры и шили из них сапоги... Повзрослев, я спрашивал бабушку, как они жили раньше?

– До переворота? Работали много, но было сытно и весело...

Жили в основном пасекой, которая требовала большого труда и умения.

– А как весной ходили проверять пчёл? Ведь снег, дороги нет...

– Дак по чарыму.

Ходили до рассвета, пока мартовский наст держал, на охотничьих лыжах, подбитых камусом (шкуркой с ног лося).

В 1917 году Груня вышла замуж за Ивана Николаевича Гусева, 1896 года рождения, участника Первой мировой войны. Жили дружно, но приключилась беда: мальчик-первенец умер. Вторым ребёнком была наша с братом мама – Валентина Ивановна Гусева. Она родилась в 1919 году, после переезда её родителей в деревню Берёзово. Там одиноко проживала мама Ивана, моя прабабушка Евдокия Михайловна Гусева.

Чугунным катком прошлись по жизни бабы Груни сталинские годы. Первым пострадал её отец.

Председатель комбеда (комитета бедноты) села Курганы предложил:

– Давай, Николай, сдавай имущество и будем работать вместе.

Мой прадед возмутился:

– Ты чё, паря, сшилел (ошалел)? Окстись! Да ежли будешь робить без свово куска хлеба, дня через три околешь!

Для староверов характерно отношение к труду как способу спасения души... В итоге у прадеда отобрали всё имущество и сослали его в Нарымский край.

У бабушки было четыре брата и две сестры. Братьев Кирилла и Георгия по ложным доносам объявили врагами народа и расстреляли.

Баба Груня тяжело переживала ссылку отца на погибель и расправу над братьями, плакала, молилась:

– Ну когда же мне будет отрад души?

Её младший брат Калинин Иван Николаевич, почувствовав внимание к себе злопыхателей, успел скрыться. Когда за ним приехал чёрный воронок, его и след простыл. Но и там, во Владивостоке, его забрали в трудовую армию. Трудармейцы жили в зоне, работали по 10–12 часов в день, а кормили их скудно. За год из двух тысяч выжили лишь восемьсот человек. Ивану повезло. Собрали всех, кто владел плотницким инструментом, и дали задание сделать за определённое время деревянную бочку. Многие сделали что попало, а Иван успел сработать две штуки, и не корявые, а как игрушечки. Его назначили бригадиром, потом замначальника цеха. Так и выжил. В 1960-х годах он вернулся в Кемерово, работал на заводе «Кузбассэлектромотор», часто бывал у нас и успокаивал сестру, когда она плакала, молясь за родственников.

Другого младшего брата Груни, Карпа, задержали на базаре. Он из деревни Шахта приезжал в город по зимнику, спрямляя путь по льду Томи, чтобы продать кедровые орехи, молоко, деревянные лопаты, мётлы, мёд и купить соль, спички, порох, гильзы, одежку. Допрос вели двое. Выяснили фамилию, имя-отчество, место проживания. А раз живёт в деревне, то колхозник ли? Получив отрицательный ответ, один из следователей начал орать на Карпа и материть его. Вынул наган из кобуры.

– Повернись спиной!

– Моя спина ничего не скажет! – нашёлся Карп.

– Подожди ты! – осадил коллегу второй следователь. – А где же ты, если не в колхозе?

– Я работаю шахтёром в артели.

– Ну-ну, подойди ближе, покажи руки.

Следователи посмотрели, переглянулись, помолчали.

– Свободен, – заключил один.

– Пошёл отсюда на ...! – заорал другой.

Загонять в колхозы нежелающих стали за долго до официального постановления о коллективизации сельского хозяйства Западной Сибири, которое датируется 1930 годом. Обстановка в деревне Берёзово была тревожно-опасной. Отговорок, что, дескать, ещё подумаю о вступлении в колхоз, уже не принималось. И труженик Иван решил, что ему не по пути с лодырями, пьяницами и разгильдяями, видя их отношение к обобществлённым животным, обречённым на падёж по условиям содержания, и к добру, которое растаскивалось. Он разобрал дом, соорудил плот и сплавился по Томи до Щегловска, переименованного вскоре в Кемерово.

Вместе с семьёй Иван привёз свою маму Евдокию Михайловну. На окраине города он поставил дом, получивший номер 115 на улице Угловой. Устроился на работу возчиком, грузчиком, экспедитором в одном лице, возил в различные организации на дровнях бочки с минеральным маслом.

Баба Груня занималась домашним хозяйством. Мама, окончив восемь классов, поступила в Кемеровское педагогическое училище на курсы подготовки учителей и закончила обучение на хорошо и отлично. В 1938 году она работала учителем литературы и русского языка в пятых классах средней школы.

Дом Гусевых стоял в пятистах метрах от аэроклуба ОСОАВИАХИМа, где после службы лётчиком в РККА работал наш будущий отец, следуя сталинскому призыву: «Молодёжь – на крылья!». По пути на работу и обратно 26-летний лётчик-инструктор Пётр Изосимович Карманов часто встречал юную и хорошенькую девушку Валю. Познакомились, подружились, и Пётр сделал ей предложение. В этом браке родились я (1940) и мой брат Евгений (1942). С 1938 года до войны семья жила благополучно. Тёщу и тестя отец называл мамой и папой.

В сентябре 1942 года лейтенант Карманов получил назначение на Ленинградский фронт. Он командовал звеном штурмовиков Ил-62. Был награждён медалью «За оборону Ленинграда», орденом Великой Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды. Последний боевой вылет совершил 6 марта 1944 года и погиб в небе над Эстонией в возрасте 30 лет.

759

Горе и беда не покидали нашу семью. Мамин папа, наш дед Иван Николаевич Гусев, призваный на фронт в 1943 году, когда ему было 46 лет, воевал в пехоте и погиб 21 января 1945 года, освобождая Варшаву.

Страдали все. Мы с братом плакали, глядя на взрослых, а они, мама и бабушка, просто выли, ревели и причитали навзрыд... И наконец-то наступил день гордости и скорби, «праздник со слезами на глазах», День Победы.

Тяжкая доля потерять родных усугублялась условиями жизни. Ни денежная реформа, ни снижение цен на 20 процентов не привели к росту благосостояния населения. К сталинскому «Жить стало лучше, жить стало веселее» народ не без юмора добавил: «Шея стала тоньше, но зато длиннее».

Сельским труженикам послевоенные годы не принесли особого облегчения. Колхозники работали по 10–12 часов. Им за это ставили трудодень, прозванный в народе «палкой». На сумму «палок» начисляли натуроплату, как правило, зерном или другими продуктами. Паспорта селянам не выдавались, дабы они не сбежали в город.

Карточная система для горожан на минимум продуктов была отменена в 1945 году, а на сахар в 1947 году. После отмены карточек установилась пайковая норма – отпуск в одни руки. Чтобы купить продуктов на семью побольше, баба Груня брала меня в магазин с собой. Не понаслышке знаю, что такое давка в очередях – порой до потери сознания.

Переживая огромное общее горе, народ терпел и готов был нести тяготы и дальше. С уст не сходило оправдание всему, как заклинание: «Лишь бы не было войны... Лишь бы не было войны...».

Слева направо: Иван Николаевич Калинин, Евгений Карманов, Карп Николаевич Калинин

До семи лет я и брат посещали детсад. В просмотре за нами дома помогала бабушка Евдокия Михайловна. Средств на жильё не хватало, и баба Груня устроилась на дезостанцию дезинфектором. Иногда меня брала с собой. Работа заключалась в прожарке одежды военнопленных в термокамерах с целью избавления от вшей. Сдав одежду, люди мылись в душевой.

Там-то я впервые увидел иностранцев: немцев и японцев. Немцы не смущались женского персонала станции, ходили нагие. Японцы же наматывали на бёдра белую ткань, очень ловко делая это вдвоём. Один прижимал материю сантиметров сорок шириной и длиной метра два к поясу и начинал вращаться. Другой держал ткань, расправляя по ширине. Конвоир рассказывал, что у японцев сохранилась служебная субординация, причём они говорили: «Мы не в плену, а по просьбе Сталина восстанавливаем разрушенное войной хозяйство».

Практически весь центр Кемерова в послевоенное время был построен военнопленными. Архитекторы говорят, что некоторые здания имеют нотки японской архитектуры.

По своему профессиональному статусу наши родители были обязаны пропагандировать атеизм, поэтому наше крещение исключалось.

– Вот ведь нехристями растут, грех это!.. – сетовала глубоко верующая баба Груня.

И всё же, как выяснилось позже, когда мы пошли в школу, от скверны лукавого нас защищали крестики, но не на гайтане (шнурочке), а скрытно зашитые в воротники-стойки рубашек-косовороток.

Однажды, мне уже было лет двенадцать-тринадцать, баба Груня уговорила меня поехать в Берёзово и покреститься. Необходимости этого я тогда не осознавал, а прельщало то, что за моё согласие бабушка пообещала купить много пряников. Мы с ней пошли на окраину города, за речку Искитимку (сейчас на этом месте цирк), сели в кузов машины-полторки и, трясясь на ухабах, поехали в Берёзово. Там батюшка, одетый в белые кальсоны и рубаху, завёл меня в водоём, где поглубже, и, не предупредив, трижды, творя молитву, запихнул под воду. Нахлебался я тогда...

По принятии таинства обряда Крещения меня нарекли Симеоном в соответствии с датой святого по юлианскому календарю. Имя сие означает: «Бог услышал». Не исключено, что благодаря этому имени мне удалось провести лукавого и умилостивить судьбу. Брата Евгения баба

Груня покрестила позже, его нарекли Иоанном (по-гречески – «дар Бога»).

В питании нам помогал огород. Но особой проблемой был сахар. Наша детская потребность в нём зашкаливала. Кроме того, на зиму требовалось сварить варенье. В магазине продавался сахар-песок или прессованный, головкой. В магазины сахар поступал не всегда, да много не купишь, денег не хватало. Бабушка выходила из положения «паренками». В чугушке парила репу, морковь, свёклу, вялила их в духовке нарезанными полосками.

Чай изредка пили с плиточной байховой заваркой. Чаще заваривали морковью, мятой, листьями малины, смородины. Позже в продаже появилась фруктовая заварка – жжёный сахар со жжёными фруктами. Мы, дети, с удовольствием её грызли.

Память детства сидит во мне более глубоко, чем даже такое событие, как Олимпиада с её грандиозным фейерверком (мне посчастливилось побывать на Олимпиаде-80 в Москве). Вспоминаю по контрасту с фейерверком: мы сидим за ужином в потёмках (экономим на электричестве), бабушка, обернув тряпицей зубья вилки, литой ручкой колет сахарную головку. Рясно (густо) вылетают бело-голубые искры...

Сладкое от нас прятали, но иногда я находил в укромном месте баночку с вареньем и торопливо поглощал его.

Застигнув меня за пакостью, баба Груня спрашивала:

– Сашка, как тебе не стыдно?! Один, хлебальной ложкой, без хлеба! Оставь к опослему!

Соседки часто обращались к ней за кулинарными рецептами. Мне хорошо помнятся её пироги с солёной капустой и картофелем кубиками, горбуша в тесте, курники, шаньги, блины. А ещё – квас и морс. Всё это было нечасто, но нашей большой радостью.

Иногда я вступал в споры с бабой Груней, она возмущалась:

– Саша, пошто ты такой поперечный! С тобой говорить – надо крест, пояс снимать! Ну чё ты лязгаешь!

То есть разговаривать со мной ей придётся как с бесом. Речью она говорила особенной, какую сейчас нигде не услышишь. Если посуда какое-то время была не закрыта крышкой, баба Груня высказывалась, что кастрюля «стояла пастью», и содержимое выбрасывалось. Но если поверх посуды положить весёлку (лопатку для замесов), нож, вилку, ложку, причём с молитвой,

то всё в порядке. Посуду и полотенце она держала свои, личные.

Тряпицу, которой баба Груня сметала сор с печки, она называла «малкой». Сейчас – у неё «теперича», напрягаешься, силишься – «кожилишься», услада – «отрада», красиво – «баско», почему – «пошто», словесно повторяешься – «тростишь»...

– Сашка давно ушёл? – спрашивали друзья, не застав меня дома.

– Да уж дивно, – отвечала бабушка.

Она была любознательным и наблюдательным человеком и щедро делилась впечатлениями с нами, внуками. Видя какую-нибудь необычную собачку, говорила с восторгом:

– Парнишки, гляньте, какая скульная (смешная) собачка! Ну чисто Трататан!

Все забавные собачки непременно именовались у неё Трататанами. Бывало, наступит в тесной кухоньке коту на лапу, он блажно орёт. Баба Груня осаживала его:

– Чё мявкаешь? Не ходи босиком!

Случался с бабушкой конфуз – пукала. И тут же винилась, дескать, простите, ребятишки, «нежданка» вышла. Творила молитву:

– Господи Иисусе Христе, без числа согрешила, прости и помилуй!

Шла к рукомойнику и мыла руки с мылом.

Занимаясь с нами, она читала сказки Андерсена, толстую книгу с картинками, подарок отца. Растолковывала нам смысл пословиц и поговорок. До сих пор помню её загадку: «Я в лесу это нашла, хотя и не искала, я домой это принесла, потому что в лесу не нашла».

Мама работала, а всё домашнее хозяйство и мы находились в ведении бабы Груни. Закупка угля и перенос его в ларь, доставка воды, огород, уход за животными, пошив одежды, стирка, готовка, поддержание тепла в доме. По осени вокруг избы делали земляную завалинку, а по весне, наоборот, землю отбрасывали, чтобы нижние венцы сруба не подгнивали. Летом и осенью пальцы бабы Груни настолько становились заскорузлыми, что она голой рукой брала тлеющий уголёк, выпавший из печи, и забрасывала его обратно в топку. Работы по дому было много...

После смерти Сталина начали приходиться документы о реабилитации репрессированных родственников. Бабушка расстраивалась и плакала от горя, обиды и унижения, молилась.

В 1954 году свалилась очередная беда: нашей маме поставили страшный диагноз – онкология. До 1960 года она перенесла четыре операции.

Баба Груня была как в трансе, страдала, плакала, молилась:

– Ну когда мне будет отрад души?

В 1960 году меня через военкомат вызвали с армейской службы проститься с мамой. Но беда отошла, горе сменилось надеждой и радостью, мама выжила, жуткая болезнь ушла в ремиссию. И далее мама жила со второй группой инвалидности, но диагноз у неё, слава Богу, больше не проявился.

Брат Евгений после школы два года отработал на заводе «Кузбассэлектромотор» и поступил в мединститут. В то время, чтобы подать документы в вуз, необходимо было быть либо медалистом, либо отслужившим в армии, либо целинником, либо отработать два года на предприятии. Вот такая действовала идущая сверху дурь. Ну зачем юноше, бредившему медициной, тратить два года, собирая электроплитки?

Получив диплом врача, Евгений окончил аспирантуру, защитил диссертацию и стал кандидатом наук.

У меня судьба сложилась иначе. Из школы меня отчислили в девятом классе, чем я очень огорчил родных.

Баба Груня жалела и укоряла меня:

– Вот ведь неслух непутёвый!

Но на следующий же день я был принят в мехцех завода «Коксохим» учеником токаря и три года отработал токарем-универсалом. Затем три года службы в армии старшим механиком-водителем танка Т-34. После увольнения в запас поступил в Новосибирский техникум физической культуры и спорта. И далее – диплом выпускника

Аграфена Николаевна Гусева

Омского института физической культуры. Бабушка Груня очень гордилась нами – своими внуками.

Маме, можно сказать, повезло, она встретила хорошего одинокого человека, Петра Дмитриевича Паньшина, и в 1970 году вышла за него замуж. Евгений женился и переехал на другую квартиру. Мы жили с бабушкой, всё было хорошо, материальное положение улучшалось. Но в 1978 году непоправимое несчастье свалилось на нас. Баба Груня заболела, ей как приговор был поставлен диагноз: рак поджелудочной железы. Её пытались спасти, брюшную полость вскрыли и... зашили – неизлечима. Больно было видеть, как родной человек, ещё крепкий духовно и умственно, угасал прямо на глазах...

Дословно, побуквенно привожу последнее, неотправленное письмо бабы Груни в Междуреченск подруге детства – Нехорошевой Федоре:

«Добрый день дарагая подруженька Федора Кондратьевна сприветом к тебе Аграфена Н. посылаю тебе большой привет желаю хорошега здоровья и долгих лет жизни дарагая моя подруженька стала совсем плохая 4 месяца балею была на операцые и мало хорошего живу тока на уколах и замной надо ходить спасибо Вали что ни бросает миня ходит за мной брата похаранили Карпа Фиклинья тоже давно померла ей было 54 г. Лиза тоже давно померла о стались пако вдвоём сбратом Ваний но я ни много так наживу подошла старость и болезнь свалила прошла наша жизнь чежолая мала видали хорошего всё нада было пережить милая подруженька извини миня что мала написала уже устала»...

Сохранились ещё два листка молитв на светском и старославянском языках «Живый в помощи». Через два месяца, 25 ноября 1978 года, бабушки не стало... Всё понимая, под конец жизни на уколах, даже в бреде баба Груня всё время думала о нас, делала наставления, давала советы. Ей всегда была присуща чистота помыслов и поступков. Так почему же, к глубокому сожалению, только в зрелом возрасте начинаешь понимать, что этот святой человек отдал нам всё: душу, сердечность, здоровье и жизнь. А мы недодали, проявили так мало внимания, заботы, тепла и любви!

Огромная благодарность, светлая память тебе, наша любимая баба Груня, от внуков Александра (Симеона), Евгения (Ивана). Родная, крепко надеемся, что помимо редких радостных эпизодов и мы всё же были «отрадой твоей души»...

Минуло более сорока лет, а душа всё ещё не на месте.